

Тыныбеков Н.Т., Тугельбаева Б.Г., Шамурзаев Т.Т.

**КЫЛМЫШТАРДЫН РЕЦИДИВ ИНСТИТУТУНУН ӨНУГҮҮ
ТАРЫХЫ ЖАНА АЗЫРКЫ АБАЛЫ**

Тыныбеков Н.Т., Тугельбаева Б.Г., Шамурзаев Т.Т.

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ИНСТИТУТА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

N.T. Tynybekov, B.G. Tugelbaeva, T.T. Shamurzaev

**THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND CONTEMPORARY STATE
OF THE INSTITUTION OF CRIME RECURRENCE**

УДК: 343.911(575.2) (04)

Макалада кылмыштардын рецидив институтунун пайда болушунун тарыхый өбөлгөлөрү көрсөтүлүп, кыргыздардын жөнөкөй кылмыш укугунда жана революцияга чейинки россиялык кылмыш укугундагы кылмыштардын кайталануусунун негизинде өнүккөн рецидив түшүнүгүнүн тарыхый өбөлгөлөрү каралган.

Берилген институттун советтик жана постсоветтик мезгилдеги өнүгүү этаптарына талдоо жүргүзүлгөн. Азыркы мезгилде кылмыш рецидиви өз алдынча мүнөздө экендиги аныкталган. Ошону менен бирге бир эле кылмыштын кайталанганына байланыштуу кайталанма жаза берүү көмүскө далил формасында кароо катары тенденциялар аныкталган.

Негизги сөздөр: *кылмыштардын рецидиви, революцияга чейинки укук булактары, кылмыштуулуктун көптүгү, кылмыштуулуктун далили, кайталанма жаза.*

В статье рассмотрены исторические предпосылки становления института рецидива преступлений и показано, что понятие рецидива сформировалось на основе повторности преступлений, которая имела место в дореволюционном российском уголовном праве и уголовном обычном праве кыргызов. Проанализировано развитие данного института в законодательстве советского и постсоветского периодов, выделены его этапы.

Определено, что в настоящее время рецидив преступлений представляет собой один из видов множественности преступлений, имеющий самостоятельный характер. Вместе с тем, отмечены тенденции его пересмотра как фактически скрытой формы назначения повторного наказания за одно и то же преступление.

Ключевые слова: *рецидив преступлений, дореволюционные источники права, множественность преступлений, уголовное законодательство, повторное наказание.*

The article considers the historical prerequisites for the establishment of the institution of crime recurrence and indicates that the notion of recurrence was formed on the bases of repetition of crimes, which was in pre-revolutionary Russian criminal law and Kyrgyz customary criminal law. The author also analyses the development of this institute in Soviet and Post-Soviet legislation, and highlights its stages. It is defined that nowadays the crime recurrence is one of the plurality of crimes having its own feature. Along with, the article outlines the tendency of its review as a hidden form of imposition of resentencing for the same crime.

Key words: *crime recurrence, pre-revolutionary sources, plurality of crimes, criminal legislation, re-sentencing.*

Термин «рецидив» (recidivus) в переводе с латинского языка означает возобновляющийся, возвращающийся и по своему содержанию представляет собой вид множественности [2]. Этимологическое значение этого понятия заключается в повторении какого-либо явления, например, болезни или деяния, то есть наличия двух следующих друг за другом фактов [1]. В царской России «рецидив» как заимствованный иностранный термин вошел в употребление лишь в конце XIX века, постепенно заменив собой термин «повторность», который широко использовался в русском уголовном праве XVIII-XIX вв. [14].

Ретроспективный анализ юридической литературы позволяет выделить определенные хронологические этапы в эволюции понимания юридической природы рецидива преступлений:

- 1 этап – середина XIX века - конец XIX века;
- 2 этап – 20-30 годы XX века;
- 3 этап – 60-70 годы XX века;
- 4 этап – конец XX века – начало XXI века.

Первый этап связан с закреплением в русском уголовном праве понимания рецидива преступлений как наиболее опасного вида повторения преступлений. Скрупулезно изучая памятники права России, И.Г. Возжаникова отмечает, что указания на повторение как синоним рецидива содержатся во многих правовых документах прошлых веков, начиная с Двинской уставной грамоты и Псковской судной грамоты XIV века. За повторное совершение деяния этой грамотой предусматривалось усиление наказания, за третье деяние лицо могло быть лишено жизни. [5]. Русские Судебники XV века за преступления имущественного характера, совершенные во второй раз, в частности за повторную кражу, предусматривали наказание в виде смертной казни. В начале XVIII века наказание за повторные преступления было смягчено. Так, действующими в то время правовыми документами (Морской устав, артикул Воинский, Указ Петра I) смертная казнь могла быть применена за кражу, совершенную только в четвертый раз [12]. В середине XIX века в Своде законов 1842 года появилось понятие специального повторения, то есть рецидива, распространявшееся на все виды преступлений, а также были четко изложены правила об усилении наказания за такое повторение.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года говорится уже о специальном и общем рецидиве, при этом важной чертой повторения выступает отбытие наказания за предыдущее преступление [5]. Затем, в 1864 году Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был определен срок в один год после наложения наказания, по истечении которого рецидив преступлений не может быть признан [12]. В.В. Муравьев охарактеризовал понимание рецидива того периода как совершение лицом в течение относительно непродолжительного времени двух или более тождественных или однородных преступлений после отбытия наказания за одно из них [10].

Что касается уголовного обычного права кыргызов, действовавшего в период после добровольного вхождения Киргизии в состав России (середина XIX века), то понятие рецидива в нем отсутствовало, хотя повторность совершения преступления наличествовала и проявлялась в ужесточении мер наказания. Так, за первое преступление, например, кражу скота, полагалось взыскание в размере тройной стоимости украденного и покрытие убытков, понесенных в ходе тяжбы, а также уплата взысканий в пользу суда, так называемый «бийлик». За повторную кражу виновные могли быть приговорены к тюремному заключению на срок до шести месяцев. При этом сохранялось взыскание в пользу потерпевшего, размер которого не мог быть ниже тройной стоимости похищенного, а также уплата понесенных убытков и бийлика. Кроме того, выплачивался на общественные нужды еще штраф (айып), который зависел от того какой скот был похищен – крупный или мелкий и составлял обычно 1-2 головы скота. За кражу, совершенную более трех раз, суд биев мог назначить наказание в виде тюремного заключения на 1-1,5 года и уплату в девятикратном размере стоимости похищенного. Половина взыскания отходила потерпевшему, вторая половина – в пользу суда биев и на общественные нужды [7]. Указанные положения уголовного обычного права кыргызов, касающиеся повторности совершения преступлений, просуществовали практически до Октябрьской революции 1917 года.

Второй этап характеризуется активной разработкой самого понятия рецидива преступлений, пришедшего из российского дореволюционного законодательства. Теоретические аспекты этого вопроса нашли отражение в работах М.М. Гродзинского, С.Вайсмана, Н.Корецкого, В.И. Куфаева, С.В. Познышева, А.Н. Трайнина, Б.С. Утевского и ряда других авторов. Большинство из них (С.Вайсман, Н.Корецкий, Б.С. Утевский и др.) связывали рецидив с повторным совершением однородного или тождественного преступления после совершения первого преступления [4; 8; 18]. Другого мнения придерживался А.Н. Трайнин, полагавший что во главу угла следует ставить однородность мотивов совершаемых преступлений [16]. Практическим результатом этих исследований стало появление в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР (1922 г.), а также в Основных началах уголовного законодательства

СССР (1924 г.), указаний на необходимость установления более жесткого наказания за рецидив преступлений, что связывалось с его повышенной опасностью для общества, поскольку совершали эти преступления профессиональные преступники-рецидивисты. Позже, в 30-х годах рецидив начали связывать на практике с профессиональной преступностью, существование которой по политическим и идеологическим мотивам в СССР замалчивалось. В результате в уголовном законодательстве этого периода произошел отказ от понятия рецидива, который был восстановлен только в 60-е годы. Но при этом следует заметить, что, не определяя понятия самого рецидива, уголовный закон 1961 года оперировал терминами «рецидивист», «опасный рецидивист» [10].

Как отмечают современные российские исследователи, часто неточности законодательных формулировок в Уголовных кодексах, принятых в разные годы (1922 г., 1926 г., 1961 г.), обусловили различные подходы к пониманию рецидива, отождествлению его в ряде случаев с неоднократностью, допущению их смешения [6]. Вследствие этого, на третьем этапе научного осмысления понятия рецидива доминировали представления о том, что в его основе может лежать не обязательно однородное или тождественное преступление, но любое преступление, за которое лицо было уже осуждено. В той или иной степени этого взгляда придерживались многие советские исследователи того периода, в числе которых Р.Р. Галиакбаров, П.Ф. Гришанин, А.Ф. Зелинский, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Т.М. Кафаров, В.П. Малков, А.М. Ниедре, К.К. Панько, А.А. Пионтовский, А.И. Урмонас, А.М. Яковлев и др. При этом некоторые из них, например К.К. Панько, особо подчеркивали, что для рецидива преступлений непременным условием является наличие не снятой и не погашенной в установленном законом порядке судимости [12]. Другие авторы полагали, что обязательным признаком рецидива следует считать отбытие наказания. Именно это обстоятельство позволяет, во-первых, приобрести предметность содержанию понятия рецидива и, во-вторых, указать на неисправимость лица, требующую дополнительного карательного воздействия [3]. Вместе с тем, высказывалось и совершенно иное мнение об отбытии наказания применительно к рецидиву преступлений. Например, В.Ткаченко считал, что наличие в уголовном законе статей с отягчающими обстоятельствами по признаку рецидива фактически представляет собой скрытую форму назначения повторного наказания виновному лицу, хотя оно уже понесло наказание за совершенное им преступление [15]. В этом он усматривал противоречие с некоторыми принципами уголовного права.

На четвертом этапе в уголовно-правовой науке сформировалось то понимание рецидива преступлений, которое нашло свое отражение в современном уголовном законодательстве. Основанием для этого послужило понятие рецидива, данное в 1987 году в

ст.45 Модельного уголовного кодекса. Под рецидивом преступлений признавалось совершение нового умышленного преступления после осуждения за ранее совершенное преступление [17]. Указанное определение было несколько уточнено в ст.23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года и в качестве ключевого признака рецидива была определена судимость. Благодаря этому, в теории уголовного права произошло отграничение рецидива от неоднократности и совокупности преступлений. Таким образом, под рецидивом преступлений стало признаваться совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Это определение рецидива преступлений вошло в ряд Уголовных кодексов стран Содружества и вызвало новую волну исследований, посвященных анализу различных аспектов этого института. Среди них следует указать прежде всего работы российских ученых И.Б. Агаева, Г.Н. Зарва, О.В. Зайцевой, В.А. Иванова, Н.Н. Коротких, В.В. Муравьева, Н.А. Нырковой, А.К. Суменкова, В.Ф. Шевченко и др. В Кыргызской Республике отдельными вопросами уголовно-правовой и криминологической характеристики рецидива преступлений занимались К.И. Джаянбаев, К.Ш. Курманов, К.М. Осмоналиев, М.К. Саякова Л.Ч. Сыдыкова и др.

Следует заметить, что новеллой действующего уголовного законодательства практически во всех странах СНГ явился отход от понятия «особо опасный рецидивист» и оперирование понятием «рецидив преступлений», что, по мнению многих авторов, является справедливым, поскольку отвечает принципу равенства граждан перед уголовным законом, не допуская переноса тяжести уголовной ответственности на личность преступника. Но существовало и другое мнение, в частности, что отказ от понятия «особо опасный рецидивист» ни в криминологическом, ни в уголовно-правовом смысле не обоснован [9]. Наиболее ясно это выразил А.К. Суменков, считающий, что «...излишняя демократизация общих принципов уголовного закона и стремление сделать всех равными перед ним... не могут компенсировать того значительного вреда общественным отношениям и авторитету закона, который причиняется вследствие безнаказанности «рецидивистов» и тех, кто может ими стать» [13].

Таким образом, процесс формирования понятия рецидива преступлений охватил большой временной период в 150 лет (с середины XIX века до первого десятилетия XXI века). Его основой являлась повторность преступления, которая имела место как в русском уголовном праве, так и в уголовном обычном праве кыргызов. Благодаря теоретическим разработкам и анализу практики правоприменения, рецидив

преступлений признан в теории уголовного права одним из видов множественности преступлений и закреплен в уголовном законе многих государств.

Тем не менее, в последние годы набирает силу процесс пересмотра института рецидива преступлений, основанием которого является положение о том, что он противоречит одному из принципов уголовного права, а именно никто не может дважды нести уголовную ответственность за одно и то же преступление.

Литература:

1. Агаев И.Б. Рецидив в системе множественности преступлений. - М., 2002. - С.15.
2. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. Изд. второе, перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2004. - С. 531.
3. Бузынова С.П. Рецидив преступлений. М., 1980. - С. 5-6.
4. Вайсман С. Кое-что о рецидиве и однородных признаках опасного состояния // Рабочий суд. 1923. №11. – С.15;
5. Возжанникова И.Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение. Дисс. канд. наук. - М., 2016. - С. 87.
6. Зарва Г.Н. Рецидив преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. - С. 30.
7. Кожоналиев С. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе: Изд-во Академии наук Киргизской ССР, 1963. - С. 52-53.
8. Корецкий Н. Рецидив // Ежегодник советской юстиции. 1924. №5. - С. 1.
9. Кузнецова Н.Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. - 1998. - №1. - С. 20.
10. Муравьев В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рецидивной преступности молодежи. Дисс. канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2001. - С. 18-20.
11. Панько К.К. Рецидив в советском уголовном праве. - Воронеж, 1983. - С.54.
12. Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование. Автореф. дисс. канд. наук. Нижний Новгород, 2016. – С.17.
13. Суменков А.К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы. Дисс. канд. юрид. наук. - Рязань, 2003. - С. 31-32.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2-х томах. Т.2. - Тула: Автограф, 2001. - С.416.
15. Ткаченко В. Ответственность за повторные преступления // Советская юстиция. - 1988. - №4. - С.26.
16. Трайнин А. Уголовное право. Часть общая. - М., 1929. - С.284.
17. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть / Под общ. ред. И.Ш. Борчашвили. - Алматы: «Жеті қарғы», 2006. - С. 291.
18. Утевский Б.С. Рецидив и профессиональная преступность // Проблемы преступности. - М., 1928. Вып. 3. - С. 106.

Рецензент: д.ю.н., профессор Борубашов Б.И.